

Д.В. Голохвастов
стажер СПбГУЭФ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ ФАКТОР В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Изменение роли справедливости как фактора регуляции трудовых отношений.

Сегодня понятие «справедливости» выходит из моды как в специализированной научной литературе, так и в обиходе. Так, понятие справедливой оплаты труда сегодня употребляется чаще в западных материалах по социальной ответственности, нежели в российских работах по трудовым отношениям; среди аргументов в спорах работодателей и работни-

общество стало многоуровневой и динамично меняющейся системой, ее исследование в рамках «ньютоновских» правил неэффективно и требует подходов, аналогичных квантовой физике, с неопределенностью и субъектной ролью исследователя. В этом смысле, для социально-экономического анализа весьма плодотворным представляется подход институционалистов.

В Университете Чикаго, признанном центре неоклассической экономической теории, ориентированной на универсальность и объективность цены как ключевого критерия экономического поведения, преподавали основоположники институционализма в США – Т. Веблен, У. Митчелл, Дж. Кларк. Один из основателей Чикагской школы Фрэнк Найт также «называл себя институционалистом и достаточно скептически относился к увлечению количественными методами анализа»² именно в связи с усложнением объекта изучения.

В отношении труда мнения неоклассиков и институционалистов также расходятся: для некоторых представителей неоклассической школы труд есть «антиблаго», в то время как для Дж.М. Кейнса, например, «все производится трудом» и необходимо «рассматривать труд, включая, конечно, личные услуги предпринимателя и его помощников, как единственный фактор производства, действующий при наличии технологии, природных ресурсов, производственного оборудования и эффективного спроса»³. Дей-

«Российский национальный характер ориентирован на «искание социальной справедливости».

ков «справедливость» уступила место цепочкам ценностей и созданию стоимости.

Постмодернистские направления в социальных науках выражаются сегодня от отказа в признании единственно верного механистического подхода к регулированию деятельности. Как убедительно показал В. Ефимов, классическая, неклассическая и постнеклассическая научные парадигмы, применимые как к естественным, так и к общественным наукам, сменили друг друга в связи с изменением объекта¹. Постсовременное

¹Ефимов В.М. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. – 2007. – №8. – с.49-67. – с. 52-53.

²Московский А.И. Американский институционализм и проблемы экономической реформы в России // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – №1. – с. 94-109. – с. 98.

³Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег / Антология экономической классики. – т. 1. – М., 1992. – с. 302.

ствительно, российские экономические реформы последних двух десятилетий ориентированы на неоклассическую экономическую теорию со всеми ее особенностями, среди которых для анализа регуляции трудовых отношений важна вера Чикагской школы: «1) в возможность объяснить наблюдаемое экономическое поведение с помощью неоклассической теории цен и 2) в эффективность свободных рынков как инструментов аллокации (размещения) ресурсов и распределения доходов... и тяга к минимизации роли государства в экономической деятельности»¹. Такой «рыночный фундаментализм» в вопросах регуляции трудовых отношений выразился в реформах здравоохранения, монетизации льгот и особенно в пенсионной реформе.

Сегодня трудовые отношения выстраиваются по принципам цены, рассчитываемой на основе соотношения спроса и предложения, господствует мнение людей, «понимающих истину как итог диалога и конвенции между оппонировавшими сторонами»². Для российских работников эта ситуация неприемлема, российская система воспитания и образования по своему содержанию нацеливает на поиск конечной истины и далека от позитивистского подхода к истине как компромиссу и результату договора. Российский национальный характер³ ориентирован на «искание социальной справедливости»⁴. Сегодня изменение принципов социальной регуляции в целом и регулятивных механизмов управления трудовым поведением в частности испытывает влияние модернизации (постмодернизации) и формирования полистилистического⁵ общества. В.В. Крамник пишет: «в ходе модернизации меняется само представление о справедливости. Происходит сдвиг от мономодального, моностагусного, моностилистического общества к обществу полимодальному, полистагусному, полистилистическому. Возникает разветвленная сеть относительно непересекающихся и несопоставимых статусов, стилей жизни и культур. Сравнение вкладов и достижений происходит в основном внутри этих статусов, стилей жизни и культур, а не между ними. Следовательно, сужается, дробится, теряется представление о справедливости, касающееся одновременно всех или большинства

членов общества»⁶. При этом справедливость в трудовых отношениях разделяется по типам деятельности на вознаграждение за труд и за предпринимательский талант, за риск и ответственность, которые берут на себя владельцы и руководители предприятий. При этом возникает вопрос о соизмеримости вознаграждений: «Вопрос о справедливости можно ставить только в ситуациях взаимообратимости ролей. Если ситуация иная, если люди существуют в разных «мирах», то логика справедливости не только не работает, но и неприемлема. Оставаясь в своих мирах, они не могут ни «помериться» своими правами, ни даже поставить вопрос о справедливости»⁷. Справедливость «релятивна только внутри особых коммуникативных миров, т.е. только там, где наличествует актуальная коммуникация и коммуникативная прагматика, а с ними и принципиальная (не обязательно актуальная) обратимость ролей»⁸. В связи с этим регуляция на основе принципов личной договоренности доминирует в условиях социально-экономических трансформаций общества.

В этом смысле неолиберальная ориентация экономических реформ характерна не только для России, подобный путь прошла в последние десятилетия Великобритания, ориентированная вначале на идеи Чикагской школы и рыночного подхода к регуляции трудовых отношений и с приходом Э. Блэра сместившая акценты на социально-экономические подходы, типичные для континентальной Европы и направленные на справедливость как центральное положение в модели «социального рынка». Если апологеты «социального рынка» абсолютизировали ценности социальной справедливости, то апологеты «свободного рынка» – ценности экономической свободы. При этом в 1980-е гг. применяемые рыночные принципы в США дали возможность этой стране развиваться опережающими темпами, то в долгосрочной перспективе, к 2000 г., Европейский Союз вплотную приблизился к США по перерасчетам ВВП на каждого занятого в производстве и на каждый час работы и опередил в контроле над инфляцией. Показатели экономического равенства (коэффициент Джини), грамотности, относительной бедности, численности заключенных, продолжительности рабочего дня, характеризующие качество жизни, были твердо в пользу Европы.

В последнюю четверть XX в. на развитие за-

¹Редер М. Чикагская школа / Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М., 2004. – с. 48.

²Крамник В.В. Российская власть: самовоспроизводящаяся лояльность. – СПб., 2006. – с. 17.

³См. книгу с аналогичным названием: Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: ИНМЭ, 1994.

⁴Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1.2. – Посев, 1956. – с. 16.

⁵См. подробнее: Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1998.

⁶Крамник В.В. Российская власть: самовоспроизводящаяся лояльность. – СПб., 2006. – с. 19.

⁷Саморефлексия политики // Политические исследования. – 2002. – №2. – с. 66.

⁸Там же.

падноевропейских стран в целом и на состояние рынков труда в частности воздействовали факторы социально-экономические, политические, институциональные. В эти годы многие изменения носили не циклический, а структурный характер¹, исторический контекст и социокультурные основы оказывали влияние на региональные и национальные особенности. Скандинавские страны, Германия, Франция, в целом остались верны принципам социального партнерства и диалога, которые смягчили трудности переходного периода либерализации и позволили избежать острых конфликтов. При этом континентальные страны Европы руководствовались в первую очередь соображениями социальной стабильности за счет экономической эффективности². Сегодня эти страны наиболее успешно противостоят финансовому кризису.

Таким образом, реализация принципа справедливости в трудовых отношениях позволяет не только избежать социальной напряженности и обеспечить мир в обществе, но и обеспечить устойчивое экономическое развитие на основе более гладкого пути развития. Таким образом, опыт континентальной Европы свидетельствует, что справедливость может служить эффективным регулятором трудовых и в целом экономических отношений, система управления может и должна использовать этот фактор для обеспечения долгосрочного развития как на макроуровне, в вопросах благополучия населения страны в целом, так и на микроуровне, в решении задач стабильного процветания и роста предприятия. Так, даже на уровне управления трудовым поведением отдельного работника справедливость выступает комплексным фактором при сравнении собственных трудовых усилий с усилиями коллег, как внутри предприятия, так и на предприятиях конкурентов, как с точки зрения финансовых условий оплаты труда, так и эргономики, условий труда в целом, содержания

деятельности.

При этом постмодернизация общества способствует формированию новых оснований для реализации принципов справедливости. Как указывает В.В. Крамник, «только с завершением модернизации справедливость займет подобающее ей место в разветвленной сети статусов, стилей и культур, выступит фактором внутригрупповой конкуренции»³, в социально-экономических отношениях в целом и в регуляции трудового отношения в частности справедливость выступает важным фактором стабилизации и мотивации деятельности.

«Справедливость может служить эффективным регулятором трудовых и в целом экономических отношений».

¹Comparative Industrial Relations. Contemporary Research and Theory. Ed. by Roy J.Adams. (London, HarperCollins, 1991). Part 4. The comparative analysis of union growth, by Robert Price. P.37-55.

²Громько А.А. Труд и власть: Великобритания в сравнительном контексте// Современная Европа. – 2002. – №4.

³Крамник В.В. Российская власть: самовоспроизводящаяся лояльность. – СПб., 2006. – с. 19.